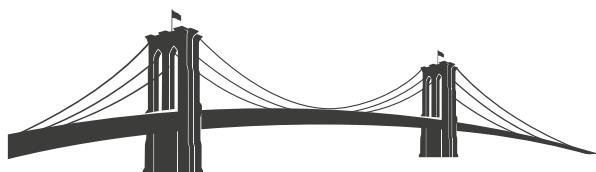

*Посвящается Ви.
Спасибо, что открыл мне целую вселенную*

ГЛАВА 1

Леон

Манчестер, апрель 2012

То, что казалось серьезной, но вполне решаемой проблемой, постепенно превращается в катастрофу. Глупо было предполагать, будто спустя девять лет работы на синдикат их отпустят на волю. Да что там говорить, просто влезть в эту организацию — чистой воды идиотизм.

Леон перебирает в голове все возможные аргументы, пока едет в поезде привычным маршрутом. Манчестер — Лондон — Манчестер, за последние полгода он выучил каждое дерево за окном, причем по обе стороны дороги. Сегодня опять не получилось договориться с бароном Бакстоном, и от этого бесконечного процесса душевных бесед в поисках хоть одной зацепки начинает подташнивать.

В две тысячи третьем, при первых робких попытках угонять плохо стоящие развалюхи, появление Бакстона на горизонте казалось подарком небес. Как он красиво заливал о возможностях и надежном тыле, который обеспечивает синдикат!.. И ведь не соврал: восемь лет у них был не только поток заказов, но и железное прикрытие. Конечно, копы таскали их в участок как заведенные, но ничего серьезного найти не смогли.

Безнаказанность пьянит. Много лет они выкручивались, как змеи, но, впервые попав в заварушку с копом, парни не выдержали накала и пристрелили его. Джек нервничал всю дорогу, Гэри тоже, хоть и старался скрыть. Откуда им

было знать, к чему это на самом деле приведет? Леон и тот не догадывался.

Теперь их не отпускают, что ни обещавай. Бакстона не интересуют их деньги, доводы и уговоры. Единственное, что приносит ему неподдельное удовольствие, — сильнее прижимать каблуком к земле Леона. И то не его самого, а титул. Чертов распроклятый титул, который мало того что ничего не значит с две тысячи третьего — а может, и раньше, — так теперь еще и мешает жить.

Барону нравится держать виконта в шавках. Леон меняет позу и прикидывает, нет ли у него кого-нибудь из знакомых с таким же титулом, кто нуждается в быстрых деньгах больше, чем он. Можно было бы даже найти графа — среди аристократов сейчас полно нищих уродов, которые не способны содержать собственный дом, не говоря уже о зависимостях. Таких, как отец.

Не поможет. Кажется, Бакстон питает к нему особые чувства. В первую очередь зависть, конечно, но к ней явно пришивается что-то еще. Леону сложно подобрать название, к классическим садистам Бакстона не отнести, но все же нечто похожее в их отношениях было всегда. Просто один кайфует, когда второй оказывается в безвыходной ситуации.

Тяжелые мысли поглощают, парализуя тело. Поезд подъезжает к Пикадилли, и все поднимаются с мест, спешно собирая сумки и пальто, но Леон не двигается. Его проклятый пазл все еще не сошелся.

Как вывести преступную группу из четырех человек из криминального синдиката, никого не потеряв и не оказавшись за решеткой? Задача со звездочкой. Даже если отставить в сторону наклонности Бакстона, их банда все еще слишком выгодна, чтобы ее отпускать. За восемь лет они настолько многому научились, отладили схему почти до идеала... И теперь оказались в патовой ситуации. Зверюга и Факбой от скуки грызут себе вены, а Леон все пытается сдержать их и не допустить глупостей.

Сейчас сложнее: если помощь с трупом копа они хоть как-то отработали, то случайно угнанную и распиленную на куски тачку одного из боссов даже объяснить сложно. Интересно, есть в их будущем хоть что-то светлое?

Нужно собраться и вернуть все под контроль. Иначе им никогда не выкарабкаться и мечты Тыковки об изобретениях так и останутся мечтами. А он из них троих меньше всех натворил дерьма и уж точно не заслуживает того, чтобы оказаться за решеткой.

Леон выбирается на станции и сразу сворачивает к трамваю: незачем тратить деньги на такси, если все равно так быстрее. Доехать до их старого и разбитого района, а оттуда уже прогуляться пешком. Ему даже удастся найти свободное место в дальнем углу — хоть какая-то радость сегодня.

Итак, нужно еще раз собрать все в голове, вдруг он что-то упускает. Должна быть вещь, способная связать Бакстону руки. Может, убить его сына Хаттона, которому тот едва ли не пятки целует? Вряд ли поможет, даже наоборот. Угрожать в их ситуации бесполезно, это только раззадорит. Черт, выхода словно вообще не существует.

Как и в любом преступном синдикате. Вход широкий, не попасть невозможно, а вот выход — с игольное ушко и то в гробу. Проплывающие мимо темные здания четко попадают в нарисованный на трамвайном окне хер — ирония этого города.

Погруженный в свои мысли, Леон едва не проезжает нужную остановку и торопливо выбирается наружу. Наверное, стоит пойти не домой — там, кроме родителей и телевизора, ничего нет, — а в гараж. Можно ставить деньги на то, что Тыковка и Гэри сейчас или там, пытаются занять себя, или в баре неподалеку. Леону необходимо поговорить с кем-нибудь из них. Не поделиться проблемой, конечно, но хотя бы услышать новости об этом «Джей-Фане». Желательно хорошие.

Он идет привычной дорогой, когда замечает Тыковку, на всех парах несущегося в сторону гаража. Леон прибавляет шаг, чтобы его догнать, но в этот момент от стены одного из домов отделяется тень. По фигуре, хоть и скрытой бесформенным худи, и походке понятно: это мужчина.

Инстинкты срабатывают не так хорошо, как хотелось бы: Леон даже не сразу понимает, ускориться ему или, наоборот, идти немного тише. Зато рука тут же находит в кармане толстовки единственное оружие, которое он себе оставил: раскладной нож.

Наконец приняв решение, Леон комбинирует оба варианта и переходит на легкий, почти беззвучный бег, радуясь, что мягкая подошва кроссовок глушит шаги. Но не успевает всего на секунду: в свете фонаря блестит лезвие, которое тут же втыкается в бок Тыковки.

Разум отключается, высвобождая рефлексы: Леон догоняет мужчину и делает единственное, на что способен: перерезает глотку.

Нью-Йорк, февраль 2019

Впервые за несколько дней солнце выглядывает из-за туч, чтобы проститься с Тыковкой, — даже жаль, что они не увидятся в последний раз. Люди все заходят и заходят в крематорий, и священник недовольно сводит брови — зал на это не рассчитан. Тыковка сам удивился бы этой толпе в черном, которая выглядит мрачно и сухо. Совсем не похоже на его жизнь.

Кажется, что это затянувшийся идиотский пранк. Еще буквально секунда, и Тыковка выберется из гроба, заржет, как дебил, и спросит, неужели они настолько тупые, что правда поверили в его смерть. И Леон сможет выдохнуть скопившийся девять дней назад в груди воздух и ответить: «Конечно, нет, кусок ты долбоеба». Если закрыть глаза на секунду, перед ними все так и происходит.

Последней волей Тыковки было «спойте на моих похоронах что-нибудь из «Битлз». Леон не представляет, как это возможно — из горла выходят только хрипы, — но когда Гэри дрожащим голосом затягивает Let It Be, это становится единственным правильным решением. Спустя пару секунд присоединяется Джек, а потом и остальные.

Надежда медленно бьется в агонии, когда гроб заезжает за шторы. Реальность с размаху швыряет Леону в рожу осознание: его самый близкий человек все-таки умер. В это не верилось ни когда он позвонил в последний раз, ни когда его тело достали из озера у города под тупым названием Вальхалла, ни когда они готовились к похоронам.

Чертов ты викинг, Томми.

Несмотря на строгие традиции, запрещающие проявлять скорбь, Леон слышит тихое всхлипывание: Пайпер не выдерживает и начинает реветь. Они стоят впереди все вместе: Гэри с Пайпер, Джек с Флоренс, Леон. По правую руку от него оказывается маленькая азиатка с серьезным лицом, на котором читается сосредоточенность, а челюсти сжаты так, что на скулах видны желваки. Непонятно, почему ее все называют женой Тыковки... Однако он действительно носил кольцо, такое же, как у нее на левой руке.

Сложно представить, чего еще Леон о нем не знал. Будто у того было две жизни: одна обычная, которую он видел и понимал. И другая, с неизвестно откуда взявшейся женой, раком легких, еженедельными походами в церковь и бесконечной борьбой за жизнь. Проигранной борьбой.

Сегодня не тот день, чтобы разбираться. Завтра Леон проснется в мире, в котором окончательно не станет Тыковки, и начнет разгребать навалившееся дерьмо. А пока нужно держать себя в руках и хотя бы ради памяти о брате не вышвыривать с похорон голддигершу, которая называет себя его женой.

Они с этой дамочкой — Кэтрин вроде бы — почти не общались, хоть она и пыталась взять похороны на себя. Будто американка азиатского происхождения может что-то знать об англиканских традициях! Англичанина нужно хоронить как англичанина, хоть в Нью-Йорке, хоть в Тимбукту. Спасибо Гэри, что отставил Кэтрин в сторону и запретил лезть.

Когда они выходят на улицу, солнце издевательски светит на полную катушку. Леон ждал, что земля и небо умрут вместе с Тыковкой — как и часть его самого, — но мир в очередной раз показывает, насколько они ему безразличны. Ничего нового.

В паб на поминки толпа идет пешком. Леон узнает не всех: тут и еще одна группа азиатов постарше, похожая на эту Кэтрин, и хромой парень, который поддерживает девушку с пятнами на лице. Он даже не знает, кем они приходятся Тыковке. Остальные — ребята из офиса, с ними все понятно, но эти...

Как он упустил огромную часть жизни человека, который был настолько дорог? Что сделал не так? Слишком давил? Не задавал верных вопросов? Не дал понять, что готов помочь? В какой именно момент их жизни все пошло наперекосяк? В памяти всплывает произошедшее за прошлый год: усилива-

ющийся кашель и кровь из носа у Тыковки. Его рассеянность на долгих встречах. Идиотский рассказ о том, почему на пальце появилось кольцо. Отмазки: давление, погода, осень, что угодно. И ни разу даже шепотом не прозвучало слово «рак».

Все это складывается в единую и страшную картину: он, Леон Гамильтон, оказался слишком заикленным на себе уродом, который проигнорировал каждый опасный звонок, даже когда тот звучал как набат. Это он упустил рак Тыковки и стал вместо поддержки еще одним раздражителем.

Хер знает, как теперь с этим жить.

Когда все — знакомые и не очень — рассаживаются в старом английском пабе, Леон оказывается за одним столом с братьями и их девушками. Гэри гладит Пайпер по плечу и шепчет ей что-то на ухо. Флоренс берет Джека за руку и не спускает с него взгляда.

— Как там Манчестер? — поворачивается к Джеку Гэри. — Твои музеи все еще не месте?

— Все в порядке, — глухо отвечает тот, выпрямляясь. — Помнишь папашу Джорри?

— Конь? — усмехается Гэри. — Так я его и не перепил. Представляешь, Пайпер?

— Этот конь теперь заведует целой программой в Салфордском музее, — замечает Джек. — А ты говорил, в искусстве развития не бывает.

— Как это не перепил? — робко подает голос Пайпер. — Ты?

Тыковка умер. Эта мысль стучит в висках, и, чтобы не сойти с ума, Леон отчаянно цепляется за чужие голоса.

— Сам не верю, — отвечает Гэри. — Когда Джек сказал, что Джорри не берет бухло, я решил: это вызов. А потом тот меня домой тащил.

— До сих пор жалуется, что из-за тебя он сорвал спину, — улыбается Джек.

— Он и правда впечатляет, — мелодично вставляет Флоренс.

Тыковка умер. Завтра он не появится в офисе и не будет изводить Женевьев Хансон попытками отобрать у нее кабинет.

— Мы тоже хотим сгонять в Манчестер в этом году, — говорит Гэри. — Думали после свадьбы, но теперь отложим.

— Поездку? — уточняет Джек.

— Свадьбу, — отвечает Пайпер. — Уже всех предупредили, что пока не будем ничего праздновать.

Тыковка умер. Его кудрявая голова больше никогда не будет мелькать в коридорах.

— Кстати, Фло, — оживляется Гэри, — так ты сказала этому дуриле «да»?

— А что, кольцо такое незаметное? — возмущается Джек. — Флоренс, покажи ему!

— Мама, у них так принято, — доносится с соседнего стола голос Кэтрин. — В их традиции на поминках обсуждают живых, а не мертвых.

Тыковка умер. Никто больше не услышит его залиvistый смех.

— Ты серьезно сделал предложение рядом с картиной?

— Гэри, милый, ты сделал предложение рядом с машиной, — напоминает Пайпер.

— Мы с тобой понятно, но эти! — не унимается тот. — Я думал, там будет ресторан или что-то вроде того.

— Рядом с машиной? — вмешивается Джек. — Братишка, что ты за человек такой?

Тыковка умер.

Невозможно поверить, и единственный, кого здесь не хватает, — это он. Живой, смешливый и настоящий.

Первой с места шумно поднимается Майя Фостер. Она опускает распухшее от слез лицо и подходит к Кэтрин.

— Мне пора, — тихо произносит она. — Я не справляюсь.

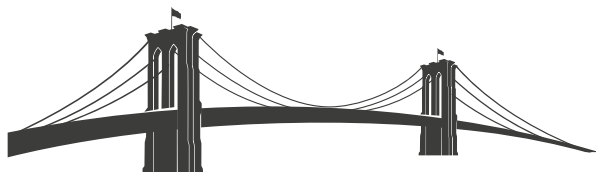
— Я позвоню тебе завтра, — ровным голосом обещает Кэтрин, обнимая ее. — Сходим на ужин, хорошо?

Тыковка умер.

Что-то внутри навсегда сгорает в огне крематория вместе с его телом. Леон соблюдает правила приличия из любви к брату, но единственное, чего ему сейчас хочется, — прыгнуть в озеро Вальхаллы вслед за ним.

Или купить машину времени.

ГЛАВА 2

Принцесса

Желать людям смерти вроде как нехорошо и некрасиво, но в случае с Самантой Дюбуа это всеобщая необходимость. Каждый в департаменте маркетинга ненавидит маркдира, и чувство не только оправданно, но и, кажется, взаимно.

Лучшие дни наступают, когда Дюбуа исчезает из офиса. Зои прекрасно знает, где та пропадает: в спа или пафосном бистро за бокалом просекко. В любом случае она не работает: обязанности маркдира ровным слоем размазаны по команде, и все, что остается Дюбуа, — собрать отчеты и с гордостью представить собственнику компании.

Первая причина всеобщей ненависти кроется именно здесь. Сегодня один из чудесных дней: уже близится время ланча, а они все еще предоставлены сами себе. Зои успела отправить десяток писем, обсудить договоренности с несколькими блогерами и почти подойти к задаче, которую оставила на конец дня.

Если повезет, день станет самым продуктивным за этот месяц. И все благодаря единственному фактору: Дюбуа нет в офисе. Зои заглядывает в планер и добавляет туда мысль «проверить новых инфлюэнсеров». Она давно крутится в голове, но если закидывать в список дел то, что заведомо не успеешь, уснуть не получится.

— Харпер, — окликает ее с соседнего места Санджит Пател, — хватит прикидываться трудоголиком.

— Отстань, я сегодня не в настроении тебя унижать.